

Ф. Ницше

Ницше о Вагнере

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н70

Н70 **Ницше Ф.В.**
Ницше о Вагнере / Ф. Ницше – М.: Книга по Требованию, 2021. – 184 с.

ISBN 978-5-458-06830-7

Вагнер как явление. Ницше против Вагнера. Перевод с немецкого Н. Полилова. С введением переводчика. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1907 года

ISBN 978-5-458-06830-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

съ Вагнеромъ былъ этой раной; она не закрывалась до того рокового дня, когда злой недугъ овладѣлъ его духомъ и заставилъ его умолкнуть навсегда. Кромѣ того, всѣ диѳирамбы, которые онъ пѣлъ Вагнеру до момента ихъ тайнаго разрыва, т. е. до первыхъ представленій вагнеровскихъ оперъ въ только что оконченномъ байрейтскомъ театрѣ, далеко еще не доказываютъ, что онъ былъ когда-нибудь слѣпымъ поклонникомъ Вагнера, такъ сказать, заправскимъ вагнеріанцемъ. Имъ онъ не былъ никогда. Дѣло обстояло нѣсколько иначе. Молодой геній искалъ зрѣлаго генія, искалъ себѣ въ немъ наставника и друга и, казалось ему, нашелъ то, чего искалъ, въ Рихардѣ Вагнерѣ. Эта дружба, хотя и не ослѣпила, но все же очаровала его; она преисполнила его благородное сердце глубокой благодарностью, она побудила его отдаться искренно и страстно служенію дѣлу Вагнера. Въ результатѣ Нитче идеализировалъ Вагнера или, какъ онъ самъ выражается, «одарилъ его собою». Но время шло, его геній развивался, передъ нимъ предстали собственные проблемы, внутренній голосъ звучалъ властно. Съ великимъ ужасомъ увидѣлъ онъ, что между нимъ и Вагнеромъ разверзается пропасть, что въ сущности онъ и Вагнеръ — антиподы. Подъ гнетомъ этой мысли онъ дѣлаетъ надъ собой послѣднее усиліе и пишетъ свое «прощальное письмо». При такихъ условіяхъ — надо сказать это прямо — оно не могло быть вполнѣ искреннимъ. Вотъ почему

помѣстить «Рихарда Вагнера въ Байрейтѣ» 1876 г. въ одинъ сборникъ съ «туринскимъ письмомъ» 1888 г. «Вагнеръ какъ явленіе» и съ «Нитче contra Вагнеръ» кажется мнѣ совершенно недопустимымъ. «Рихардъ Вагнеръ въ Байрейтѣ» относится совсѣмъ къ другому циклу произведеній философа. Его можно соединить, какъ и всѣ четыре «Несвоевременныхъ размышленія», въ одну книгу только съ «Происхожденіемъ трагедіи», что и имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ изданіяхъ.

2.

Не подлежитъ сомнѣнію, что твореніе и его творецъ находятся въ тѣснѣйшей внутренней связи между собою: это можно сказать съ одинаковымъ правомъ, какъ о художникахъ, такъ и о философахъ. Поэтому, чтобы вполнѣ понять ихъ произведенія, понять, почему извѣстные вопросы трактуются ими такъ, а не иначе, необходимо знать, кто такіе они сами, каковъ ихъ духовный обликъ. Выражаясь языкомъ Нитче, у каждаго изъ нихъ есть свои «идіосинкразіи», которыми обусловливается очень многое въ ихъ творчествѣ, которыми объясняется, какъ предпочтеніе, оказываемое ими извѣстнымъ [проблемамъ, такъ и самое отношеніе ихъ къ этимъ проблемамъ. Если мы сравнимъ, напр., трактовку музыки, какъ искусства, у Канта, Гегеля, Шопенгауэра и Нитче, то увидимъ, что глубина и утонченность ея пониманія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

интересъ къ ней все возрастаетъ, доходя у послѣдняго прямо до культа музыки. Если мы заглянемъ затѣмъ въ жизнеописанія этихъ мыслителей, то увидимъ, что музыкальность натуры въ данномъ случаѣ возрастаетъ въ томъ же порядкѣ. Этотъ прирожденный даръ былъ у Нитче дѣйствительно огромнымъ; вотъ почему проблема музыки не перестаетъ занимать его всю жизнь, вотъ почему она лежитъ въ основѣ его эстетическаго міросозерцанія (см. «Происхожденіе трагедіи»).

Музыкальность Нитче обнаружилась довольно рано, еще на десятомъ году его жизни. Объ этомъ свидѣлствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ друзей его дѣтства. «Въ это время (весною 1854 года)», говоритъ онъ, «мои друзья и я обратились къ болѣе серьезнымъ занятіямъ. Первое побужденіе къ этому исходило отъ моего друга Фридриха Нитче. Ему довелось именно услышать въ церкви одно музыкальное исполненіе, и оно такъ поразило его, что онъ рѣшилъ посвятить себя музыкѣ и усердно заняться ею. Вскорѣ, благодаря прилежанію и большому таланту, онъ сдѣлалъ огромные успѣхи въ игрѣ на роялѣ»¹⁾. Еще обстоятельнѣе рассказываетъ объ этомъ случаѣ самъ Нитче. «Я пошелъ въ день Вознесенія въ городскую церковь и услышалъ тамъ величественный хоръ: аллилуйа! Онъ

¹⁾ Elisabeth Förster-Nietzsche: Das Leben Friedrich Nietzsches, Bd. I. S. 71.

какъ бы побуждалъ меня присоединить къ нему свой голосъ; мнѣ казалось, что это была торжественная пѣснь ангеловъ, подъ звуки которой Иисусъ Христосъ возносится на небо. Я немедленно рѣшилъ сочинить нѣчто подобное. Тотчасъ же послѣ церкви я приступилъ къ дѣлу и по-дѣтски радовался каждому новому аккорду, рождавшемуся изъ-подъ моихъ рукъ. Не переставая заниматься этимъ нѣсколько лѣтъ, я однако приобрѣлъ очень много, такъ какъ благодаря изученію сочетанія тоновъ научился лучше играть съ листа»¹⁾).

На его музыкальное развитіе въ эту пору оказывалъ большое вліяніе отецъ одного изъ его товарищей Густава К., большой знатокъ музыки и авторъ нѣсколькихъ премированныхъ сонатъ и квартетовъ. У него былъ къ тому же прекрасный рояль, такъ привлекавшій мальчика Нитче, что онъ часто по-долгу стоялъ передъ его домомъ, упиваясь чудными мелодіями Бетховена. Его другъ Густавъ К. также обладалъ недюжинными музыкальными способностями; съ нимъ онъ дѣлился своими музыкальными впечатлѣніями и разыгрывалъ ему свои собственныя сочиненія, на которыя изводилъ безъ устали огромное количество нотной бумаги. Результатъ этихъ занятій въ связи съ усерднымъ изученіемъ музыки не замедлил сказаться. Нитче, по его собственному признанію, «проникся непримири-

¹⁾ Тамъ же, стр. 71.

мой ненавистью ко всей новѣйшей музыкѣ и ко всему, что было не классическимъ»¹⁾. Моцартъ и Гайднъ, Шубертъ и Мендельсонъ, Бетховень и Бахъ стали въ его глазахъ столпами для нѣмецкой музыки. Что касается собственныхъ его музыкальныхъ сочиненій, то они не обнаруживали въ немъ крупнаго композиторскаго таланта; гораздо лучше удавалось ему исполненіе свободныхъ фантазій, — даръ, унаслѣдованный имъ отъ отца. По свидѣтельству его сестры-біографа, эти фантазіи производили всегда сильное впечатлѣніе на окружающихъ, даже на такія тонкія художественныя натуры, какъ Козима Вагнеръ. Зато пониманіе музыки было развито въ немъ уже въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ до изумительной степени, о чемъ достаточно ясно говорятъ ниже слѣдующія строки, написанныя имъ въ 1858 году.

«Богъ далъ намъ музыку прежде всего для того, чтобы она вела насъ къ небу.

«Музыка соединяетъ въ себѣ всѣ свойства, она можетъ возвышать насъ, можетъ забавлять, можетъ веселить, даже можетъ своими нѣжными, грустными звуками размягчить самое черствое сердце. Но главное назначеніе ея состоитъ въ томъ, чтобы направлять наши мысли къ высшему, возвышать насъ, даже потрясать. Это является главнымъ образомъ цѣлью церковной музыки; между тѣмъ достойно сожалѣнія, что этотъ родъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 72.

музыки все болѣе уклоняется отъ своего главнаго назначенія. Сюда относятся также хоралы, но въ настоящее время есть такіе хоралы, которые своей монотонной мелодіей далеко уступаютъ въ силѣ старымъ. Кромѣ того, музыка просвѣтляетъ душу и прогоняетъ мрачныя мысли. Кто не ощущаетъ тихаго, свѣтлаго мира, слыша простыя мелодіи Гайдна? Музыка часто говоритъ намъ звуками убѣдительнѣе, чѣмъ поэзія словами, и проникаетъ въ самые тайные изгибы нашей души. Но все, что даруетъ намъ Богъ, можетъ служить намъ на благо лишь въ томъ случаѣ, если мы пользуемся имъ правильно и мудро. Такъ, пѣніе возвышаетъ насъ и приближаетъ къ доброму и истинному. Если же музыкой пользуются только для грубаго развлечения или для того, чтобы выставять себя напоказъ передъ людьми, то она является грѣховной и вредной. Тѣмъ не менѣе это встрѣчается очень часто, и даже почти вся новѣйшая музыка носитъ на себѣ слѣды этого. Другое печальное явленіе то, что многіе новые композиторы стараются писать темно. Вѣдь именно такіе искусственные періоды, быть можетъ, восхищающіе знатока, оставляютъ безучастнымъ здоровое человеческое ухо. Стремленіемъ къ крайнему оригинальничанью въ особенности отличается такъ называемая музыка будущаго разныхъ Листовъ и Берліозовъ. — Музыка является также пріятнымъ занятіемъ и защищаетъ всякаго, интересующагося ею, отъ скуки. Всѣхъ людей, прези-

рающихъ ее, слѣдуетъ считать бездушными, животноподобными созданіями. Да будетъ всегда этотъ чудный даръ Божій спутникомъ на моемъ жизненномъ пути, и я могу считать себя счастливымъ, что возлюбилъ его. Будемъ пѣть вѣчную хвалу Господу, ниспосылающему намъ это дивное наслажденіе!»¹⁾).

3.

Къ тому же періоду жизни Нитче относятся его первыя поэтическія упражненія, начавшіяся даже нѣсколько ранѣ первыхъ музыкальныхъ. Разумѣется, эти упражненія девятилѣтняго поэта были очень слабы, но дѣло вовсе не въ ихъ литературныхъ достоинствахъ. Важно то, что они не были простой блажью, а являлись истинной духовной потребностью, доказательствомъ чему служить то, что занятій этихъ Нитче не прекращалъ до конца своей жизни и достигъ въ этой области высокой степени совершенства, почему его справедливо называютъ мыслителемъ-поэтомъ. Важно такъ же и то, что всѣ поэтическіе опыты его 'дѣтскихъ лѣтъ были либо лирическими, либо драматическими, т. е., согласно его эстетическимъ воззрѣніямъ (см. «Происхожденіе трагедіи»), истекали изъ того же источника, изъ того же художественнаго инстинкта, какъ и музыка.

¹⁾ Тамъ же, стр. 74—75.

Покинувъ въ 1858 году Наумбургъ и переселившись въ Пфурту, куда его приняли, какъ выдающагося по своимъ способностямъ мальчика, Нитче продолжалъ и въ этой школѣ усердно заниматься поэзіей и музыкой, несмотря на весьма ограниченное количество свободнаго времени. Два года спустя онъ даже основываетъ вмѣстѣ съ двоими изъ своихъ прежнихъ друзей литературный союзъ «Германію», состоявшій впрочемъ все время своего существованія (до 1863 г.) только изъ этихъ трехъ членовъ, обязавшихся представлять ежемѣсячно какую-нибудь литературную или музыкальную работу, которая затѣмъ просматривалась очереднымъ хроникеромъ изъ той же троицы, а его отчеты прочитывались на четвертныхъ общихъ собраніяхъ. Въ эту пору Нитче впервые знакомится съ музыкой Вагнера, причемъ, какъ онъ, такъ и его другъ Густавъ К., дѣлаются [ея] страстными поклонниками. Самъ Нитче пишетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Съ того момента, какъ появился Klavierauszug Тристана, я былъ вагнеріанцемъ». Сестра же его полагаетъ, что онъ сдѣлался имъ даже нѣсколько ранѣе, и что Тристанъ только довелъ это поклоненіе до апогея. «Мнѣ помнится», пишетъ она, «что во время осеннихъ каникулъ 1862 года мой братъ и его другъ Густавъ съ утра до вечера разыгрывали Klavierauszug. Такъ какъ отецъ Густава былъ рѣшительнымъ сторонникомъ классической музыки, то эти вагнеровскія оргіи справлялись у насъ. Когда Фрицъ

спрашивалъ меня: «развѣ это не превосходно», я съ грустью должна была сознаваться, что эта музыка мнѣ не совсѣмъ понятна. Впрочемъ я сомнѣваюсь, чтобы исполненіе обоихъ юношей могло тогда кому-нибудь понравиться, оба еще не слышали оперы и потому не умѣли вѣрно выдѣлять мелодію изъ чрезмѣрной массы звуковъ. Оба производили невообразимый шумъ, пѣніе ихъ сильныхъ голосовъ порою напоминало вой. Рассказываютъ, что одна глухая женщина, жившая противъ насъ, подѣ впечатлѣніемъ ужасныхъ звуковъ, достигшихъ даже до ея слуха, пугливо выглянула въ окно, думая, что гдѣ-нибудь горитъ». — «Позже мой братъ умѣлъ поистинѣ восхитительно воспроизводить Тристана на роялѣ. Тристанъ оставался для насъ обоихъ всегда музыкой *par excellence*» ¹⁾).

Этотъ фактъ «вагнеріанства» Нитче не слѣдуетъ однако понимать въ томъ смыслѣ, что со времени знакомства съ вагнеровской музыкой онъ отдается ей исключительно. Изъ его собственныхъ писемъ и замѣтокъ не видно даже, чтобы онъ оказывалъ этой музыкѣ рѣшительное предпочтеніе. Бетховенъ, Шуманъ, Гайднъ не перестаютъ быть его любимыми композиторами. Много времени тратится имъ по прежнему на самостоятельное сочинительство, и ничто не указываетъ, чтобы въ этомъ отношеніи онъ сдѣлался подражателемъ Вагнера. Страсть къ му-

¹⁾ Тамъ же, стр. 135 — 136.

зыкѣ вообще усиливается въ немъ за послѣдніе годы пребыванія въ Пфортѣ до такой степени, что школа начинаетъ тяготить его, и посвятить себя всецѣло своему любимому дѣлу становится его мечтой. По всей вѣроятности, отъ осуществленія ея его удержали не только внѣшнія обстоятельства, какъ полагаетъ онъ самъ, но также и пробудившіяся въ немъ новыя духовныя стремленія, именно увлеченіе философскими проблемами. Послѣднее обстоятельство, равно какъ и его собственные работы въ этомъ направленіи за послѣдніе годы существованія литературнаго союза «Германія» указываютъ еще на одну важную черту въ духовномъ обликѣ Нитче, именно на его критическій даръ. Довольно яркое проявленіе этого дара мы видимъ уже въ приведенномъ выше сужденіи четырнадцатилѣтняго мальчика о музыкѣ, а углубляясь въ исторію его дѣтства, найдемъ и необходимыя психологическія предусловія его: чрезвычайную самостоятельность характера, проявившуюся уже очень рано, и изумительную правдивость, указывающую на прирожденную любовь къ истинѣ, являющуюся, по мнѣнію сестры философа, фамильной чертой Нитче. По крайней мѣрѣ она вспоминаетъ, что слышала разъ, какъ одна изъ ея тетокъ сказала съ холодной гордостью: «Мы, Нитче, презираемъ ложь» ¹⁾. Насколько развился впослѣдствіи этотъ критическій даръ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 73.